

НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ

Сборник в честь 60-летия
Александра Васильевича Лаврова

Составители

Всеволод Багно, Джон Малмстад, Мария Маликова

Москва: Новое литературное обозрение
Санкт-Петербург: Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
2009

УДК 821.161.1.09Лавров А.В.
ББК 83.3(2Рос=Рус)53
Н12

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. LXXV

Художник серии *Н. Пескова*

Н 12 На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 848 с., ил.

Сборник статей посвящен 60-летию Александра Васильевича Лаврова, ведущего отечественного специалиста по русской литературе рубежа XIX—XX веков, публикатора, комментатора и исследователя произведений Андрея Белого, В. Я. Брюсова, М. А. Волошина, Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, М. А. Кузмина, Иванова-Разумника, а также многих других писателей, поэтов и литераторов Серебряного века. В юбилейном приношении участвуют виднейшие отечественные и зарубежные филологи — друзья и коллеги А. В. Лаврова по интересу к эпохе рубежа столетий и к архивным разысканиям, сотрудники Пушкинского дома, где А. В. Лавров работает более 35 лет. Завершает книгу библиография работ юбиляра, насчитывающая более 400 единиц.

УДК 821.161.1.09Лавров А.В.
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

ISBN 978-5-86793-657-0

© Авторы. 2009

© Фото А. В. Лаврова — А. Балакин, 2007

© Художественное оформление. «Новое литературное обозрение», 2009

О «РОССИИ В ПИСЬМЕНАХ» АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

Книгу Ремизова «Россия в письменах»¹ можно назвать книгой памяти. Это память о России прежних веков, об ушедшей и на глазах уходящей России, память о Петербурге; это творчески воссоздаваемая память о людях, о которых ничего больше неизвестно, но чьи имена упоминаются в «старых письменах», составляющих основу книги. Это книга памяти о собственном прошлом и о друзьях. Объясняя свой интерес к старым русским текстам и начало их изучения, а затем коллекционирования, Ремизов благодарно вспоминает своих учителей и друзей. Всю же книгу можно считать данью памяти И. А. Рязановского (1869—1921/27?), историка-архивиста, археолога и библиофила, друга Ремизова в предвоенные и революционные годы². Уже во «Взвихренную Русь» Ремизов включает главу памяти Блока («К звездам») и «Три могилы», с краткой «памятью» умерших в те годы³, а в автобиографической прозе эмигрантских десятилетий «памяти» о друзьях и современниках становятся постоянными. Здесь же память о Рязановском еще, пользуясь выражением Ремизова, *подспудна*.

Эта книга не просто собрание старых документов, грамот, писем, записок, надписей, но и их прочтение Ремизовым-архивистом, любителем и коллекционером старины. Тексты обрамлены комментариями, и здесь пределы участия Ремизова в воссоздании дав-

¹ Ремизов А. Россия в письменах (1922). New York, 1982. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием страниц.

² О знакомстве и дружбе Ремизова с Рязановским, а также об использовании его рукописной коллекции в собственной работе Ремизова см. публикации А. М. Грачевой: Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000; Структура патерикового рассказа и ее отражение в сборнике А. М. Ремизова «Бисер малый» // Материалы республиканской конференции СНО 1977 года. Тарту, 1977. Вып. 3. С. 66—77.

³ Ремизов А. Взвихренная Русь // Ремизов А. Собр. соч. М., 2000. Т. 5. С. 380—391 и 226—227. В главе «Три могилы» память о докторе С. М. Поггенполе, Ф. И. Школкине и В. В. Розанове.

но ушедших времен и людей ничем не ограничены — не всегда можно определить, где текст документа превращается в запись событий, воссоздаваемых творческим воображением, «памятью» Ремизова-писателя.

Выход книги в Берлине в 1922 году завершил продолжительный период работы над материалами — письмами, рукописными и печатными документами, — вошедшими в этот первый том. Первые главы из будущей книги были написаны уже в 1913 году, первая журнальная публикация одной главы появилась в 1914-м, но главная работа была сделана в 1917-м и 1918 годах⁴. Работал над книгой Ремизов параллельно с будущей «Взвихренной Русью»: «56 дней — 8 недель высидел я в комнатах после болезни. Я прислушивался к воле за стеной, слушал рассказы с воли и писал “Россию в письменах”, по обрывкам документов из “ничего” воссоздавая старую Россию... <...> Да потихоньку сидел над “Временником” <“Взвихренная Русь”> — “всеобщее восстание!” Так и шли дни, перевиваясь снами»⁵. Так открывается глава «Октябрь» в книге «Взвихренная Русь». Попытка сохранить прошлое — это ответ Ремизова на разруху, происходящую вокруг.

Одновременно с работой над «Взвихренной Русью» — на наш взгляд самой значительной книгой Ремизова, этой летописью революционного года, жанр которой А. В. Лавров определил как «роман-коллаж»⁶, книгой, в своей калейдоскопичности и многоплановости не просто описывающей, а дающей как бы изнутри опыт разрушения и распада окружающего мира, рушащегося уклада и быта, — идет любимая работа над рукописями старинных документов и древних книг⁷. Ремизов пишет в это время свое «Слово о гибели русской земли» и в противовес разрухе и плачу по уходящему миру собирает и закрепляет память о прошлом. Он пытается сохранить «потревоженных китов, без которых она <Россия> немыслима» — и далее следует перечисление названий глав книги: «баня — печь — ковш — базар — полиция — псалтырь — часовник — патерик — сундук — крест — грамотка — столбец — гадальные карты — странник — оракул — письмовник — календарь — святцы — помещик — азбука и т. д.»⁸.

⁴ В книге каждая глава помечена датой написания. О журнальных публикациях см.: *Sinany Hélène. Alexis Remizov: Bibliographie*. Paris, 1978; *Lampl H. Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A. M. Remizovs // Wiener Slawistischer Almanach*. 1978. Bd. 2.

⁵ Ремизов А. Собр. соч. Т. 5. С. 173.

⁶ Лавров А. В. «Взвихренная Русь» Алексея Ремизова: Символистский роман-коллаж // Там же. С. 550.

⁷ О связи этих двух книг см.: *Слобин Г. Проза Ремизова 1900—1921*. СПб. 1997. С. 145—147; первая публ. по-английски: *Slobin G. Remizov's Fictions 1900—1921*. DeKalb, Ill., 1991.

⁸ Ремизов А. Собр. соч. Т. 5. С. 173.

Цель книги, по утверждению автора, — желание «по обрывышкам, по никому не нужным записям и полустертым надписям, из мелочей, из ничего представлять нашу Россию. <...> И затее моей конца краю не видно» (с. 14)⁹.

Эти заключительные слова вступления к «России в письменах» точно предсказали дальнейшую работу Ремизова над рукописными и старыми печатными материалами. В двадцатые годы, после выхода книги, он публикует еще несколько глав из предполагавшегося второго тома. В эмиграции у Ремизова обостряется чувство ответственности за сохранение русской старины. Его предисловие к публикации «Купчей» в 1926 году читается как воззвание, призыв к действию:

Чтобы знать свой язык, мало знать, как пишется слово и выговаривается, надо знать, как писалось и выговаривалось. А для этого необходимо ходить по письменным русским векам — читать старинные грамоты, памяти и изучать памятники литературы. Это и для России, где живут русские люди, и для заграницы, куда попали жить русские люди.

В России этих грамот и старинных памятей горы — лежат неразобранные, глазом не выласканные и не вычитанные, ждут: приходи и пользуйся. Другое дело за границей — много ль сюда занесло старинной русской бумаги! А ведь тут она еще ценнее, чем на родине, — нужнее для русского человека, попавшего жить за границу. Читая и разбирая грамоту, будто разговариваешь с русским, хорошо говорящим по-русски. А это такое счастье, и такое — точно в России побывал, от самой земли слово послушал.

Русскому человеку как нужно беречь эту «старинную память», если попала она ему в руки! И как надо искать ее среди нерусских бумаг, а найдя, не прятать для показа приятелям, а дать человеку, который может разобрать, а потом напечатать, чтобы все читали — строчку за строчкой, поговорили бы б и здесь, на земле нерусской, послушали б Россию, ее слово. Ведь слово — это крепь...¹⁰

В последний год жизни Ремизов делает запись в дневнике с планами дальнейшей работы, и в этом перечислении, среди прочего, читаем: «И надо еще заняться редакцией “России в письменах” т. 2»¹¹.

⁹ Надписывая книгу Серафиме Павловне, Ремизов написал: «Еще один том и закончится», а затем добавил: «Будет разве что под старость, если суждено будет прийти к старости и в мой век» (Волшебный мир Алексея Ремизова. СПб., 1992. С. 22–23).

¹⁰ Ремизов А. Россия в письменах. Купчая. 1742—1746 // Благонамеренный (Брюссель). 1926. Кн. 1. С. 136.

¹¹ Запись в дневнике от 11 сентября 1957 г. (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 101). Сохранились многочисленные свидетельства о про-

Без преувеличения можно сказать, что «Россия в письменах» занимала Ремизова в течение всей его жизни, с университетских лет (лекций Ключевского) и «уроков» П. Е. Щеголева в вологодской ссылке (с. 12—13)¹² и до последних дней¹³.

«Россия в письменах» подтверждает верность слов Ремизова о том, что все в его книгах о себе самом¹⁴, и, хотя в основу этой книги положены старые документы и письма, ее тоже можно рассматривать как автобиографическую¹⁵, но автобиографическую «по-ремизовски»¹⁶. Сам Ремизов написал о книге: «...затеял я представить Россию по обрывкам и осколкам ее памятников. И это не историческое ученое исследование, а новая форма повести, где действующим лицом является не отдельный человек, а целая страна, время же действия — века»¹⁷.

Но «Россия в письменах» это память не только о России прежних веков, но и о собственном прошлом и настоящем, и — что станет неотъемлемой частью его автобиографической прозы после «Взвихренной Руси» и «России в письменах» — благодарная память

должающемся интересе и работе Ремизова со старинными документами в послевоенные годы. См., например, в письме от 9 апреля 1948 г.: «Начал вчера “письма Петра” (1708). Какая мешанина: XVII и XVIII...» (Там же. С. 211); и в дневнике: «Мне читают исследование С. В. Бахрушина “Хозяйство и культура XVI—XVIII веков”. Для меня особенно любопытно — документы. Только так я проникаю в сердцевину строя природного склада речи» (14—16 февраля 1957 г.) (Там же. С. 312). Ср. воспоминания Н. А. Струве, редактора «Вестника РСХД» и одного из «чтецов» Ремизова в последние годы: «...несколько дней, а может быть, и недель подряд я вычитывал ему из одного рукописного сборника начала XVIII столетия — “Цвет сельный” — разные жития святых. Слушал он замороженный, наслаждаясь словесной тканью рассказов» (Струве Н. Православие и культура. М., 2000. С. 360—361).

¹² О знакомстве с П. Е. Щеголевым в Вологде см.: Ремизов А. Иверень // Ремизов А. Собр. соч. Т. 8, по указ. (1-е изд.: Berkeley, 1986).

¹³ «Россия в письменах» оказалась «книгой без конца», как очень верно озаглавила свою статью с описанием рукописей второго и третьего томов Антонелла д'Амелия: «Книга без конца: “Россия в письменах” // Europa Orientalis. Pietroburgo; Salerno. 2003. № 4: Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 125—140.

¹⁴ Подробно об этом в заключительной главе «Учителя музыки»: Ремизов А. Собр. соч. Т. 9.

¹⁵ См.: Доценко С. Н. «Автобиографическое» и «апокрифическое» в творчестве А. Ремизова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. Автор определяет автобиографичность Ремизова как «панавтобиографизм».

¹⁶ Свою рецензию на «Учителя музыки» Александр Бахрах озаглавил «Автобиография по-ремизовски». См.: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1983. 18 декабря.

¹⁷ Литературная Россия: Сб. современной русской прозы / Под ред. Вл. Лидина. М., 1924. С. 30.

о друзьях. Документы и письма поданы в ремизовском обрамлении. Как правило, указан источник документа с именем дарителя, а иногда и с историей находки и рассказом о предшествовавших владельцах. Помощники в приобретении рукописи или редкого издания часто обозначены с чином в Обезвельволпале, как, например: «Есть у меня Краковская Библия 1574 г. — дар старейшего кавалера обезьяньего знака, странника Евгения Злодиевского от варяг — Е. Г. Лундберга» (с. 17); или «А достались мне эти иконы от кавалера обезьяньего знака Вл. А. Пяста» (с. 34); или «Юрий Верховский Слон <...> принес мне однажды именинный дар» (с. 39). Помимо «архивного» описания источника это воспоминание друзей Ремизова, в том числе А. В. Тырковой и Е. В. Аничкова.

Семейная переписка, документы и, вероятно, устные рассказы легли в основу нескольких глав, посвященных родословным друзей Ремизова. Так, глава «Писмовник», рассказывая о прежних владельцах этого «писмовника», повествует о предках И. С. Соколова-Микитова, а «Оракул» воспроизводит переписку родственников Д. В. Философова¹⁸.

Первая глава-вступление к «России в письменах», «Баня», с подзаголовком «начальное», начинается вопросом: «Откуда и как пошло старинное мое пристрастие к старой бумаге и буквам, непонятным для нынешнего глаза?» (с. 11). Помимо раннего чтения житий святых поминаются имена «учителей», в том числе Ключевского, встреча в Вологде с П. Е. Щеголевым, к тому времени уже работавшим с рукописными материалами, и затем помощь жены: «А премудростям палеографическим, чтению и письму глаголическому, виноградной вязи и аористам научила меня <...> Серафима Павловна <...> действительный член санктпетербургского археологического института» (с. 14)¹⁹. Хотя здесь среди «учителей» не упоминается друг Ремизова И. А. Рязановский, обращает на себя внимание, что в надписи Серафиме Павловне на своей книге Ре-

¹⁸ О продолжении работы Ремизова над архивами семьи Философовых см.: Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова / Публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 366—422.

¹⁹ В надписи на книге Серафиме Павловне Ремизов писал: «Никогда я не думал, что удастся осуществить такую книгу, начал положен был, когда ты археологическ<ий> институт кончала, и я “воспринял” приятную науку археологию, с тех пор все и пошло. А сколько было предварительных всяких упражнений скоросписных, опытов и ошибок. На Таврической вся наука прошла и упражнения» (Волшебный мир Алексея Ремизова. Europa Orientalis. Pietroburgo; Salerno. 2003. № 4: Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 22—23). На Таврической Ремизовы жили в 1910—1915 гг. См.: *Lampf H. Remizovs Petersburger Jahre: Materialien zur Biographie // Wiener Slawistischer Almanach. 1982. Bd. 10. S. 315.*

мизов дважды упоминает его имя: «Этот экземпляр, зовомый, так начал бы Иван Александрович, принадлежит тебе...», и после описания начала своей работы над старинными рукописями и книгой заканчивает: «Вот и вся история книги, связанная с Иваном Александровичем Рязановским...»²⁰.

Имя Рязановского появляется на страницах книги неоднократно²¹. Отдельные главы посвящены его родословной со стороны отца («Львовая печать»), матери («Календарь»), а также жены («Святцы»). Глава «Книжник» в книге «Подстриженными глазами», впервые напечатанная отдельно в 1938 году, объясняет значение дружбы с Рязановским и его роль в создании книги:

При всех своих необозримых познаниях в истории и археологии, Рязановский кроме обязательной юридической работы при окончании Ярославского Демидовского лицея, в жизнь не написал ни одной строчки. <...> <Но> значение изустного слова Рязановского в возрождении «русской прозы» можно сравнить только с «наукой» самого из всех «знающего» громокипящего Вячеслава И. Иванова в возрождении «поэзии» у стихотворцев.

Я подразумеваю «русскую прозу» в ее новом, а в сущности древнем ладе <...>, «природной речи». <...>

Остервенелый «западник», исповедник «римского права», зачарованный музыкой природной русской речи, углицким звоном, церквами Романова-Борисоглебска, годуновскими миниатюрами, впитавший в себя самую русскую музыку <...>, Рязановский <...> годами только о русском и рассказывал (повторяю, писать он не мог), расценивая слова на слух, на глаз и носом, и восхищаясь своими русскими книгами от Киево-Печерского патерика до Новикова <...>. И во все наши петербургские годы <...> и особенно в беспросветные вечера опыта механизации живой человеческой жизни, Рязановский был нашим всегда желанным и неизменным, верным гостем...²²

²⁰ Волшебный мир Алексея Ремизова. С. 22–23. Ср.: «Иван Александрович Рязановский кн<язь> обез<ьяний> археолог “обезьяны мощи” о нем в Рос<сии> в письменах I т.». Надпись к изображению Рязановского опубликована в: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. Воспроизведена в отделе «Коллекция»; там же, с. 358.

²¹ Так, он даритель старинных книг (с. 16); посредник между Ремизовым и владельцем рукописи (с. 47), на последней странице книги они вместе смотрят картинки в русском издании сказок Гримм (с. 220).

²² *Ремизов А.* Подстриженными глазами // Ремизов А. Собр. соч. Т. 8. С. 131–133. Глава «Книжник» была впервые опубликована в: Последние новости (Париж). 1938. № 6393, 27 сентября.

Далее следует описание того, чему Ремизов научился у Рязановского:

Мне посчастливилось неделю провести на его костромской родине <...>. За неделю среди книжных сокровищ я не то что выкупался, а прямо сказать, выварился в книгах. В эти незабываемые дни не могло быть и речи заснуть. Сам бессонный хозяин подымал меня ни свет ни заря, да и среди ночи, вдруг вспомнив о каком-нибудь замечательном первом издании или рукописной, мне очень полезной книге. <...> Уткнувшись в книгу и уже забыв обо мне, он вычитывал восхищавшие его строки или, оглядывая книгу через двойные очки, принимался рассказывать историю ее, припоминая мелочи покупки и о собственнике-предшественнике и тоже книжнике. За семь дней и семь ночей я узнал о книге не как о библиотечном явлении, но о книге в ее сущности, о книге в «себе самой», и понял, что такое книжник в царстве своих книг.²³

Уже на следующий год после выхода первого тома «России в письменах» Ремизов публикует главу из предполагавшегося второго тома под заглавием «Россия в письменах. Парижский клад». Подробное описание работы над полученным «кладом» может служить иллюстрацией того, как он усвоил опыт Рязановского:

Пять дней, не разгибаясь, сидел я над рукописями — клад разбирал. В трудных местах, где очень уж хитро и стерто, помогала С<е-рафима> П<авловна>.

68 документов — 1701, 1710 — 1725 — 1725 <...> — Петр <...>, Екатерина <...>, Анна Иоановна <...>, 97 имен — мастера, вельможи, комисары, а действуют в Петербурге, в Петергофе, в Стрельне, в Красном.

Вот какой кирпич!

Все переписал (трижды переписал!) — букву за буквой, строчку за строчкой. Переговорил каждое слово — слово за словом — ведь писали, как говорили! Я как прошелся по годам — от года к году.

Подклеил, склеил, переплел — разными золотыми и серебряными бумажками, разноцветными, как камушками, покрыл переплет.²⁴

Описывая свои архивные богатства, Ремизов подробно рассказывает не только о том, как старая книга или рукопись попала к

²³ Там же.

²⁴ Ремизов А. Россия в письменах. Парижский клад // Беседа (Берлин). 1923. № 3. С. 84.

нему, но также и о своей работе над ней: «...копнул я <...> наклейку и уж до позднего часа сидел над книгой, разбирая письмо подспудное. Две наклейки снял я, третья бумага начальная, к доске приклеена, а на ней, на третьей, три польские надписи <...>. По краю же к корешку, прикрывая польские надписи, наклеены были полоски плотной бумаги <...>. Стал приподнимать я тугие полоски, вижу, наша скоропись кудрявая, а крепка, что дубок <...> У меня так и зарябило в глазах...» (с. 19).

В своих комментариях Ремизов не только описывает свою работу с документами, составившими книгу, но и показывает, как возникают описания людей и обстоятельств, обрамляющие эти тексты. В главе «Псалтырь» на надпись на псалтыри — благословение отца дочери — Ремизов откликается своей творческой памятью: «И взяла меня дума — крепко в руках держал я псалтырь — и поплыли передо мной воспоминания. Не воспоминания, а от бурных чернил, от руки старца Григория Розанова плывь памяти», — эта «плывь памяти» вызывает к жизни в подробностях и отца и дочь и обрывается: «А дальше не знаю, не помню» (с. 40—41). Так автор «России в письменах» показывает, как он работает с текстом — «обнажает прием», который использует в работе с «письменами».

Отклеивая гравированные иконы, отпечатанные на бумаге, он находит на обороте одной из них надпись «без квартере оне»: «И сразу вспомнилось мне, точно при мне писались эти слова, смысл которых — нищета и позор» (с. 35). Его отклик на человеческое горе — следующий за этим рассказ о том, почему эти слова были написаны. В главе «Ссылный» документ, возвращающий человека из ссылки, вдохновляет Ремизова на создание истории сосланного без вины, кому некуда возвращаться. В «Грамотке» он обыгрывает известный прием — как, например, в предисловии к «Повестям Белкина» — находка одного сохранившегося листа из «большущей книги», в который была завернута рыба на базаре, начинает поиски всей рукописи, и каждый шаг этих поисков начинается одним и тем же зачином-рефреном: «Дивны дела Твои, Господи! В Новгород-Северске привозила баба на базар рыбу...» (с. 76—77).

Ремизов вплетает в комментарии к текстам и воспоминания о собственной жизни. Он вспоминает виденный в детстве у монаха в Андрониевом монастыре киевский «Патерик» с картинками. Перед отправкой в ссылку он покупает патерик, но без картинок: «Но и не такой не пошел со мной: начальнику ли понравился, только оставили его в тюремной конторе, не дали» (с. 47). В главе «Азбука», заключающей книгу, воспоминания вызывает его старый букварь: «Был я как-то летом в Москве <...>. Зашел на старое пепелище, взял книг узелок. А тут как стал разбирать, все-то знако-

мые. Первые: по одним моя мать училась, по другим мне довелось» (с. 211).

Тексты, вошедшие в «Россию в письменах», не ограничены Московской Русью, здесь представлена и петровская Россия. Так, в главе «Нарва» воспроизводится текст «из петровской тетради», которую он приобрел в костромском Гостином дворе — «серая тетрадка без начала и конца петровского времени» (с. 60). Плач по петровской России претворяется в работу с «письменами»: «В первый раз взял я с полки петровскую мою тетрадь, когда, по злому ли наущению либо от простоты нашей, Санктпетербург обернули в Петроград. Очень меня тогда за сердце взяло: город святого Петра — Санктпетербург — и вдруг какой-то Петроград! С тех пор много воды утекло <...>. Смута пошла, а с нею раздор и раззор <...>. А загаженный, заплеванный Петербург обратили из Петрограда в красный Петроград. И пришло такое время конечное, вон побежали из Петербурга кто куда, оставляя дом Петров — последнее наше окно. Тут я опять петровскую тетрадку достал. Горько и досадно мне стало на простоту нашу погубительную. И если в первый раз я только глазами по тетради прошел, теперь я сел ее переписывать. Духом Петровым дышит всякая буква...» (с. 61—62).

Глава «Академия», хотя она включает длинный список имен членов Академии наук и текст объявления о реформе Академии Екатерины I: «Академия наук российская. Читателю здравие», — это лирический панегирик Петру, его делу и городу:

Белая ночь льет бледно-зеленоватый свет. Прозрачные тени выют-ся. И шепчут старые дома <...>. Вот тут на этом месте, где стою я, проходил великий основатель. И кажется мне, вот взовьется накидка, нахлобучится треугольная шляпа, и пройдет он твердым беззвучным шагом <...>.

Из-под арки коллегий Университета выходят один за другим, придерживая треугольные шляпы под ветром и завернувшись в плащи, ученые профессора Академии Наук Российской <...>. Слышна французская, голландская, немецкая речь. Величавые жесты, спокойная поступь. А последний из них <...> приподнял шляпу и подал мне сложенный в четверку лист (с. 55—56).

Далее следует текст «врученного» автору документа²⁵.

Границ между прошлым и настоящим в «России в письменах» не существует: без труда Ремизов переключается из настоящего в

²⁵ Ср. «встречу» Ремизова с первопечатником Иваном Федоровым и перевоплощение в поджигателя Печатного Двора, а также присутствие при казни Аввакума: «Писец — воронье перо» в кн. «Пляшущий демон» (Париж, 1949).

прошлое время памятника и снова в настоящее: «У меня же “Писмовник” в моей книжнице на верхней полке всегда перед глазами, и караулит его заяц» (с. 160)²⁶.

Разветвляющаяся память Ремизова, как уже было отмечено²⁷, вдохновляется словом, и основной интерес писателя к старым текстам кроется в его любви к слову. Его первоочередная задача в «России в письменах» — попытка восстановить «русский лад» — то есть синтаксис старой разговорной речи²⁸. Слово сохраняет память о прошлом и о людях: «Ведь слово — это крепь!» (см. выше.) По крохам — отдельным словам — Ремизов творчески воссоздает образ человека, его долю, несчастья, но, главное, сохраняет память о самом человеке. Через всю книгу проходит как лейтмотив сила слова: только слово сохраняет память. В главе «Сундук» вещи в сундуке давно истлели, а опись сохранилась (и воспроизводится Ремизовым, включая «Хвосты соболя и куньи»), но в первую очередь, это память о людях. Воссоздавая образы корреспондентов публикуемых писем, Ремизов пишет: «И все-то они <...> упокоились <...> — сгнили давно их косточки в сырой земле, и лишь осталась память писанная, переплетенная в пеструю папку с красной, золотом тисненной наклейкой: “Дружеские письма Астафьева и одно Козлова”» (с. 203; это также название главы).

«Россия в письменах» — это книга многослойной памяти: о России прошлых веков, о людях, память о которых сохранилась в «письменах», включенных в книгу, память о друзьях, память о своем детстве и память о слове. Написанная во время работы над «Взвихренной Русью», она давала возможность переключения с революционной разрухи на прошлое: «Я всегда писал врозь с темой дня: на Рождество у меня выходило пасхальное, а на Пасху снежит декабром. В революцию память о минувшем (Московская Русь)²⁹. Это «переключение» было не только облегчением³⁰, но в работе над «Россией в письменах», как и во «Взвихренной Руси», намечались некоторые стороны дальнейшего развития автобиографической

²⁶ Ср.: «а записка пока что у меня, а хранит ее волк-самоглот: если шарик качнешь, кланяется и хвостиком помахивает вверх и вниз — самоглот» (с. 54).

²⁷ Д'Амелия А. «Автобиографическое пространство» Алексея Ремизова // Ремизов А. Собр. соч. Т. 9. С. 452—453.

²⁸ См.: Цивьян Т. В. Русский литературный язык: «Случай Ремизова» // Ремизов и Голландия: Переписка с Б. Н. Рапчинским. М., 2004. С. 154—166.

²⁹ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 127.

³⁰ В предисловии к книге «Крашенные рыла», сборнику главным образом театральных рецензий, периода работы Ремизова в ТЕО, он пишет: «Мало чего я писал, кроме рассказов, а если и писал, то спрехвала — по-лобу: так вся моя “Россия в письменах” вышла» (Ремизов А. Крашенные рыла. Берлин, 1922. С. 7).

прозы Ремизова. Здесь Ремизов пробует разные варианты работы с документами — воспроизведение писем, к которым дается комментарий, «восполнение недостающего» творческой памятью автора, включение себя во время и обстоятельства лиц и событий, описание картинок, воссоздание родословных друзей. И хотя работа над вторым и третьим томами «России в письменах» продолжалась, следующим шагом в «обработке» документов, в данном случае писем, можно считать книгу «Кукха. Розановы письма», вышедшую в 1923 году³¹. В «Кукхе» комментарий Ремизова переходит пределы обрамления так, что заставляет сомневаться в подлинности не только писем Ремизова, но и писем самого Розанова, которые как будто составляют основу книги³². В «России в письменах» Ремизов берет разбег к «Кукхе», это последняя ступень перед «Кукхой», где письма и воспроизводятся, и создаются для поставленной автором цели; главное в книге — комментарии³³. Здесь соотношение «комментариев» и «текста» обратное «России в письменах» — письма явно второстепенны и центр тяжести перенесен на авторский текст.

В противовес хаосу и разрушению, хроника которого дается во «Взвихренной Руси», и плачу о разорении русского прошлого, в «России в письменах» идет созидательная работа над сохранением старины, в первую очередь над сохранением слова. Это любимая работа, отдых от ежедневных бед и потерь, и в то же время это мастерская, где осваиваются новые приемы в работе Ремизова со словом и новое соединение прошлого с настоящим.

³¹ Ремизов А. Кукха. Розановы письма. Берлин, 1923.

³² См. убедительный анализ метода Ремизова, оспаривающий документальную основу «Кукхи» в: Данилевский А. А. Из комментариев к «Кукхе» А. М. Ремизова // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* III. Проблемы русской литературы и культуры. Helsinki, 1992. С. 93—102. Ср. также: Флейшман Л. С. Из комментариев к «Кукхе». Конкретор Обезвельвопала // *Slavica Hierosolymitana* I. Jerusalem, 1977. С. 185—190. Автор указывает между прочим и на связь «Кукхи» с «Россией в письменах».

³³ Укажем еще на один вариант работы Ремизова с документами: «Россия в письменах. Парижский клад» (Беседа. 1923. № 3) в сокращении составила главу «Петербург» во «Взвихренной Руси». Здесь Ремизов напечатал комментарии и полностью исключил архивные документы.